

ИНТЕРВЬЮ С ЙОЗЕФОМ КЛЯЙНОМ – JOSEPH KLEIN

1-Й ИНЖЕНЕРНЫЙ БАТАЛЬОН, 1-Я ВОЗДУШНО- ДЕСАНТНАЯ ДИВИЗИЯ

Йозеф Кляйн (1921-2014) в годы войны

Йозеф Кляйн воевал на Восточном фронте и в Италии. По-видимому, он был храбрым и способным солдатом и на фронте получил офицерское звание. Как и многие немецкие ветераны ВМВ, он с ностальгией вспоминал годы, проведенные в Гитлерюгенде, с гордостью говорил о боевом братстве парашютистов и доблести своих товарищей по батальону, сожалел о промахах своих командиров. Звучали в его словах и пацифистские нотки...

Я родился в городке Ваттеншайд/Wattenscheid, расположенном в горах Хунсрюк/Hunsrück. Мои родители переехали туда из Мозельского/Moselle края. Мой отец работал на угольной шахте в Сааре, он был управляющим. Потом он перебрался в Рур, на другую угольную шахту, там я и родился в 1921 году. Отец был несколько раз ранен на фронтах ПМВ и умер рано, когда мне было 8 лет. Мы вернулись в Мозельский край, где у нас было много родственников. У меня были брат и две сестры, все старше меня. Я овладел профессией плотника и столяра-мебельщика, у нашей семьи там было две фабрики.

Когда мне исполнилось 18 лет, началась война. Я попытался записаться в воздушный десант, но меня не взяли, потому что у меня был сертификат летчика: мне сказали идти в Люфтваффе. Я любил летать и получил сертификат, когда был в Гитлерюгенде. Начинать на планерах, потом двигался дальше. Я не интересовался партийно-политическими вопросами, меня интересовало летное дело, так что после получения мною квалификации летчика я был отправлен в Люфтваффе. Однако мне там не понравилось: мы базировались в Генте/Ghent и Кале/Calais, и наши самолеты использовались для спасения летчиков, сбитых над проливом [Ла-Манш]. Я не летал на бомбардировщиках или истребителях, мы занимались только спасательными работами, а я хотел стать летчиком-истребителем...

Я добровольно записался в воздушный десант и отправился в Браншвайг/Braunschweig в Школу Парашютистов N3/Paraschool 3. Дело было в конце 1941 года, в сентябре или

октябре. Там я прошел парашютную подготовку. Поскольку я имел квалификацию плотника, мне приказали продолжить обучение в качестве инженера. Я отправился на тренировочную базу неподалеку от Штендаля/Stendal, где и стал парашютистом-инженером, что мне очень и очень нравилось. В городке Витшток/Wittstock я продолжил парашютную подготовку. Тренировки были интенсивными, ни о чем другом мы не думали: обучение было направлено на ускоренный выпуск. Всего я совершил около 200 прыжков. Когда ты – молодой парень, ты считаешь себя бессмертным...

*Плакат, призывающий записываться в воздушный десант, -
Meldungen bei allen Wehrbezirkskommandos – Набор во всех местных военных
комиссариатах*

Наш командир хотел взять всю роту с собой в Африку, я хотел отправиться туда вместе с ним и попросил его об этом. Он сказал, что ничего не может сделать и что я должен поговорить на эту тему с капитаном. Капитан сказал, что я должен буду стать инструктором, но я заявил, что такого желания у меня нет: я хотел сражаться с врагом. Он сказал, что я столкнусь с противником намного раньше, чем мне это представляется. Так что мои товарищи отбыли, а я остался на базе сам по себе. Я был очень этим расстроен, потому что пошел в парашютисты воевать, а не учить других. Затем неожиданно к нам пришел новый руководитель по отбору в боевые части – тогда шли бои под Москвой, и я оказался в России. Я попал в 7-ю Аэромобильную Дивизию/7. Flieger-Division, которая потом была переименована в 1-ю Воздушно-десантную Дивизию/1. Fallschirm-Jäger-Division.

Там нам пришлось тяжело. Русский фронт была куда более трудным, чем другие. В атаку на нас шли тысячи людей, и, само собой, приходилось убивать их. Я сказал сам себе: «Если бы напротив меня оказались Сталин, Гитлер, вся эта четверка, я перестрелял бы их всех.» Это был просто ужас. Траншеи были забиты трупами. От всей нашей роты осталось 20 человек: остальные были убиты или ранены. В конце концов, от нее остались только я и один мой товарищ. Всю мою жизнь я продолжаю удивляться, почему я выжил. Мне очень повезло... просто невозможно сказать, как сильно мне повезло. Мы укрывались в небольших ячейках. У них [русских] были минометы, которые они таскали на плечах, и из них они вели по нам огонь, были у них минометы и потяжелее.

Наша рота получила приказ взять высоту, после этого должны были прийти еще парашютисты, чтобы сменить нас, но они не смогли пробиться к нам. Нам пришлось остаться на высоте, где мы держались два дня и две ночи. Все погибли, кроме нас двоих с тем парнем. А до этого в роте было 150 человек... Один раз тяжелая мина упала в траншею, где по обе стороны от меня было двое парней. Взрыв, я потерял сознание, а когда очнулся, оба эти парня были мертвы. Вот еще что случилось как-то: я сидел с товарищем в ячейке, вокруг был лед, тепло моей руки растопило его в одно место, и я обнаружил, что моя рука утонул в открытом рту трупа... такое даже представить невозможно. Война в Италии была раем по сравнению со всем этим. Русские не брали в плен парашютистов, они их расстреливали.

У нас были только долг перед Фатерляндом и товарищеские чувства по отношению к тем, кто сражается рядом с тобой. Дивизия, полк, батальон, рота, даже армия – это была твоя семья, и, если что-то шло не так, ты должен был принимать все как есть – все стояло именно на этом. У нас были свой кодекс чести, честь мундира, гордость. Парашютисты были настоящими бойцами, и я был счастлив тем, что принадлежу к ним. А приходилось нам трудно, как пример, под [Кассино](#)...

Как вы выбрались из России?

От дивизии ничего не осталось, так что нас отвели в тыл, и мы отправились во Францию.

Вы увидели большие разрушения по пути, когда вас отводили в тыл?

Конечно, это была война, и это была уже вторая зима. В дивизию пришли новые люди. Поскольку я был инструктором, наш капитан дал мне на обучение группу, но я не был офицером, а был младшим капралом (*вероятно, Obergefreiter - ВК*). Во Франции я прошел дополнительное обучение, чтобы получить звание капрала (*Stabsgefreiter – ВК*). Потом нас направили из Нормандии на юг Франции, а оттуда, 14 июля [1943 г.], в Сицилию. Там мы десантировались на парашютах. Британцы удерживали мост, но мы отбили его (*вероятно, речь идет о боях близ моста Примосоле на востоке Сицилии – ВК*). Мы хотели разрушить этот большой мост, чтобы не дать британцам воспользоваться им. Он был метров 60 в длину, сделан из стали. Воды в речке было мало, потому что дело было летом. Там погиб наш командир. Вообще, ситуация там стала тупиковой. Нам удалось уничтожить несколько вражеских танков, потом Монтгомери приказал своим людям наступать в другом месте...

Оттуда мы отступили в Мессину/Messina. Британские командос попытались высадиться и отрезать нас. Там проходила железная дорога, за ней была какая-то улица. Итальянцы, [занимавшие позиции вдоль железной дороги], отошли и разбрелись по домам. Вообще, мы так ни разу и не увидели ни одного сражающегося итальянца... Мы про них так говорили: «Им нравится эффектно выглядеть, а не сражаться.» Ну а страна мне понравилась, понравились некоторые итальянцы, я там даже друзей завел. Рядом с нами были итальянские парашютисты, и они сражались превосходно. Они неплохо показали себя, когда нужно было что-то захватить, но вот удержать... Нам приходилось идти вслед за ними, чтобы сделать это.

То есть, как народ итальянцы вам понравились?

Да, мне понравилась эта страна, ее люди. Знаете... Я повоевал в России. Многие люди там были очень хорошими, но война меняет человека полностью, меняет всех. Не только нас, немцев, но других тоже. Помню, как в Италии мы подбили два броневедомокола, еще два попытались развернуться, но улица была слишком узкой, и сначала один свалился в придорожную канаву, потом другой. Мы вытащили офицера из одного из них и взяли машину себе в пользование. Под Кассино это было нам очень кстати, потому что мы могли перевозить на ней провиант, боеприпасы и все остальное. А вообще, под Кассино перестрелок было не очень много...

Неподалеку от Фоджи/Foggia мы подстрелили двоих водителей двухместных машин. Командиров мы взяли в плен. Ну, усадили их рядом с собой, дали им вина и что-то поесть, то же, что ели и пили сами. Они были в состоянии шока, это было заметно, и тут неожиданно один из них сказал: «Бог ты мой, да у вас у всех английские лица!» Я ответил: «А как мы должны выглядеть? Что, у нас, рога должны быть?» Тот парень оказался учителем... Я не мог этого понять – само собой, мы выглядели так же, как и они. После всего этого я сам оказался в плену в Египте, а позднее отправился вместе с британскими солдатами в Грецию. Там я провел вместе с британцами полтора года. Люди, которых я там встречал, не могли поверить в то, что я – немец! Они говорили: «У тебя физиономия англичанина! Я был молодым парнем с голубыми глазами и светлыми волосами. На большинстве из нас была английская форма.

На войне происходит дегуманизация человека, как вы говорите, она его полностью меняет...

Я видел людей на войне и после войны – они полностью меняются. На войне это хорошие товарищи, они готовы все сделать для тебя, даже отдать за тебя свою жизнь... Посреди этого пекла они превращаются во что-то другое... Под Кассино я застрелил британского солдата, и он до сих пор стоит у меня перед глазами, хотя случилось это более 60 лет назад. Мне пришлось убить его. Я смотрел в небольшое окошко, и тут он совершенно неожиданно оказался напротив меня. Он вошел в поле зрения сбоку, остановился, и мы посмотрели друг на друга. У меня в руках был автомат *Беретта/Beretta*. Там, в Италии, у меня всегда была *Беретта*. Посмотрели друг другу в глаза, я выстрелил, и через секунду он был мертв. Это был совсем молодой паренек, лет 18 или около того. Я сделал это рефлекторно, ну а у него было мало опыта...

Это случилось в конце отрезка времени, проведенного вами под Кассино?

Во время 4-го Сражения.

К этому времени вы уже были офицером?

Я был лейтенантом.

То есть, вы получили звание в боевых условиях, так скажем?

Да, в германской армии вы могли стать офицером, поступив добровольно в офицерскую школу или проявив храбрость [в бою]. Вы получали звание *Фаненюнкер/Fahnenjunker* – знаменосец – звание, пришедшее из Средневековья, - после этого вас могли отправить в офицерскую школу, откуда человек возвращался офицером.

То есть, после Сицилии вы стали офицером?

До боев в Ортоне, в Абруцци/Abruzzi.

После продвижения в звании до фаненюнкера воспользовались ли вы возможностью окончить офицерскую школу в Германии?

Нет, я подал заявление, но проходил подготовку в Альпах. Шли бои на *Готской Линии*, и меня отправили в учебный центр для прохождения дальнейшей инженерной подготовки в условиях высокогорья. Но было поздно: союзники прорвали *Готскую Линию*.

Вы помните массированную артиллерийскую подготовку 11 мая [1944 года]?

Да, помню. Она началась в 11 часов. Со мной рядом был один из моих людей.

Вы тогда служили в инженерном батальоне 1-й Дивизии и были лейтенантом в одной из рот?

Да, но рота была совсем малочисленной. Во всей роте оставалось где-то 38 человек. Во время боев под Кассино Хайдрих (Richard Heidrich, 1896-1947), наш командир дивизии, передал наш батальон в другую дивизию.

Вы знали о том, что скоро начнется то, что мы называем 4-м наступлением, а у вас называют 3-м?

В тот момент моя рота состояла из закаленных в боях парней. Они прошли через Россию, были там и в первую, и во вторую зиму. Один из них участвовал в боях в Греции еще до Крита. Я был совсем молодым, но принял на себя командование этими людьми. Я думал, что я слишком молод для этого, но командир сказал: «Все с тобой в порядке, приступай!»

То есть, парни, которые были с вами вместе, были и в самом деле крепкими бойцами?

О, да, но был среди них один не особенно приятный малый.

Как его звали?

Нойманн (Neumann), весьма опытный инженер, но он был лишен лидерских качеств. Там был еще один *obergefreiter*, хороший командир. А парни в бою действовали словно машины, да я и машин таких не видел в жизни. Они были как роботы, полная концентрация, всё для боя. Как-то ночью мы делали вылазку, и линия фронта осталась километрах в пяти у нас за спиной. Тогда рота поляков попыталась расправиться с нами...

Мы оказались в окружении. Появились поляки – мы видели, как они двигаются. Я занервничал. У нас с собой было шесть пулеметов *MG42*. В одной ленте было 350 патронов, но у нас ленты были в два, а то и в три раза длиннее обычных. Это было совсем другим делом... Противник приближался, у наших пулеметчиков была масса времени на то, чтобы хорошо изготавиться к встрече. Я сказал: «Они на подходе!» Они были очень близко к нам, но атаки пока не было. Я видел, как они сместились и перестроились, чтобы пойти в атаку. Мы укрылись в разрушенном доме, который находился за пределами города Кассино, уже на краю сектора нашей дивизии. Я разглядел, как они изготовились к атаке, и в этот момент шестеро наших пулеметчиков открыли огонь – это были мои парни. От все польской роты остался один человек. Один из моих солдат был снайпером, так он продолжал всаживать пули в этого парня, и я приказал ему остановиться и дать ему уйти... Мои люди были обстрелянными бойцами, крутыми парнями. Они служили на Крите и в России, они через все это прошли. Они никуда не спешили...

Я сказал себе: «Ты не можешь поставить себя рядом с ними, поскольку у них такой опыт... Можешь ли ты стать их лидером? У меня должно быть что-то еще.» Мой командир видел это во мне, но сам я этого в себе не видел.

А вообще, когда я рассматриваю старые фотографии, лучшим временем для меня было то время, когда война окончилась и я оказался в Египте. В конце войны я был ранен. Мы не знали о том, что происходило в Германии – все то, что случилось с евреями и тому подобное. Мы этого не знали. Я ничего об этом не слышал, да мы и не были политизированной дивизией. После войны нас вывезли в Египет. Они [союзники] думали, что мы связаны с политикой. Ну и тупость! Даже СС не были политической организацией.

Во всяком случае, не Ваффен СС...

Нет. У меня было трое кузенов, которые ушли служить в *Ваффен СС*, и в конце войны они были расстреляны американскими солдатами. Сегодня их называют военными

преступниками... У меня есть друг, которому 93 года, он живет в доме для престарелых, и вот его расспрашивают, что это значит, - быть военным преступником. Он воевал в Италии. Я-то видел, что творили итальянские партизаны. В Италии их считают героями. Я был на пути к передовой, но получил приказ возвращаться в Альпы, чтобы влиться в инженерную роту. В Пьяченце/Piacenza я видел вот что: они захватили нескольких немцев и на скотобойне подвесили их на крюки для туш. Мы, солдаты, никогда так не поступали – никогда. В любом случае, когда мы брали кого-то в плен, мы относились к ним так, как к своим.

Была у нас танковая башня на берегу реки, там, где в горы вел очень узкий проход. Там же мы построили с десяток ДОТов, а за ними вырыли траншеи. Я сказал командиру: «И что мы сможем сделать, имея 50 человек?» Мне были нужны люди, чтобы рыть канавы. На другой день мы пришли с двумя ротами военнопленных. В одной роте были британцы, в другой – только американцы с Гавайев.

Это было летом 44-го?

Дело было за несколько дней до окончания войны, в мае 45-го. Британская рота была словно настоящей британской ротой. Был командир, взводные, командиры отделений. Все было очень хорошо, твердая дисциплина и все такое. Вот есть нам было просто нечего: война почти окончилась, приходилось добывать провиант самим, но у итальянцев и у самих ничего не было. Британцы и американцы вырыли канавы, и я сказал британскому капитану: «Вам придется позаботиться и об американцах.» Он засмеялся, но я сказал: «Ничего смешного тут нет,» но запомнил это. Наступил день, когда он подошел ко мне и сказал: «Мы больше не можем выполнять эту работу.» Спрашиваю: «Почему?» Он мне: «Нам нечего есть, мы голодаем.» Я ему: «У нас, немцев, та же ситуация, мы такие же голодные, как и вы.» Он мне отвечает: «Нужно пойти к итальянцам и сказать им, чтобы они дали нам что-то поесть.» Я посмеялся над ним и сказал: «У них ничего нет, они голодают, как и мы.» Он мне: «Думаю, что-то у них может быть.» Ну я и говорю: «Хотите – поговорите с ними, если считаете, что они могут дать вам что-то из еды.» Дело было рано утром. В полдень они вернулись с двухколесной тачкой, заполненной продуктами. Капитан сказал мне: «Мистер Кляйн, хотите взять что-то из продуктов?» Я ему: «Я не могу брать продукты у военнопленных.» Он говорит: «Понимаю.» Я был уверен, что мои люди уже взяли что-то себе, но я не мог себе этого позволить. Это было за два дня до окончания войны, и мы работали вместе с ними очень неплохо – мы и британцы. Об американцах я не беспокоился, о них заботились британцы. В последний день один американец ушел, что меня очень расстроило. Я должен был вернуть эсэсовцам две полные роты и поэтому сказал своим: «Ради бога, найдите его, или я не знаю, что может случиться.» Его не нашли. Тогда я пошел искать его по домам местных. Я знал, что там бывали партизаны, но уже не беспокоился об этом. Зашел в какой-то дом и уже был уверен в том, что этого американца спрятали именно здесь. В доме были только старые женщины, дети и еще какой-то старик. Я был в расстроенных чувствах и стал говорить им: «Тут есть один человек, вы его не видели?» Они говорят: «Тут нет никого!» Пошел в соседний дом, ногой открыл дверь и вошел с *Береттой* наперевес. В доме оказался молодой парень, он сидел и дрожал. Спрашиваю: «Где американец?» Он мне: «Гитлер мертв! Передали по радио!» Я ему: «Чепуха», но он говорит: «Это правда, правда,» - ему сказали об этом итальянцы. Через час туда пришел наш отряд, который должен был отконвоировать военнопленных в Тренто/Trento. Мне дали лист бумаги, и я подписал его. Они не заметили, что один американец отсутствует. Вечером я получил приказ, в котором говорилось, что мы должны идти в Больцано/Bolzano. Там мы стали военнопленными. Нас посадили в грузовики, где уже сидели военнопленные-союзники. Все было кончено. Эти парни обнимали нас с криками «Войне конец!». У всех у них в руках были американские пищевые рационы...

Это были те самые парни, которые недавно были под вашим началом?

Да! И они отдали нам пищевые рационы!

Что вы тогда чувствовали?

Когда я услышал, что Гитлер мертв, я подумал: чем это кончится для нас? Я знал, что из себя представляют русские, я их видел раньше. Я подумал о том, что это будет означать для Германии, придут ли русские, и прекратим ли мы существование. Я думал только о русских.

В детстве, после того, как к власти в Германии пришли национал-социалисты, я жил как в раю. В Египте, где я находился в плену со всеми этими полковниками и майорами, нас пытались превратить в тех, кем мы были до этого [до Гитлера], и эти три месяца были ужасными...

Вы были в депрессии?

Да, в сильнейшей депрессии.

Но вы ее преодолели?

Да, пришлось.

Вы рассказывали, что были ранены под самый конец войны.

Я был ранен в России, хотя этого почти не заметил. Я был весь в грязи, но пошел к врачу. В спине у меня оказался осколок, но особенно я об этом не беспокоился. Потом мы переместились в Нормандию, и как-то раз у нас появился командующий. Он раздавал награды, включая нагрудные знаки, которые вручали получившим ранения. Он назвал мое имя, но я-то считал, что ранения у меня не было. Унтер-офицер рявкнул в мой адрес, чтобы я вышел из строя. Командующий спросил меня: «Где вы были ранены?» Я ответил: «Не знаю, ранений у меня не было.» Однако знак этот я все равно получил. Пошел к врачу и спросил, почему мне вручили этот знак. Он говорит: «Конечно, ты был ранен, у тебя в спине был осколок, а еще русский солдат разворотил тебе нос прикладом винтовки.» Тут я вспомнил, что как-то утром услышал крики. Я находился на наблюдательном пункте. Вниз от него уходил склон, и я увидел, как в нашу сторону по нему поднимается группа русских, подгоняемых комиссаром. Не знаю, может быть, они что-то до этого натворили, было их человек 50-60, и они были в грязи с ног до головы. Они выглядели настолько примитивно в своих сапогах из шкур животных... Они поднимались на нашу высоту, мы бездействовали. Потом мы увидели, что у них нет оружия. Один приблизился ко мне, и я увидел, что он ранен, но потом разглядел, что за спиной у него винтовка и он собирается использовать ее в качестве дубины. Так вот он и засветил мне ею в нос и разбил его. Я командовал отделением, у меня были пистолет и ракетница, которая могла выстреливать небольшие противотанковые гранаты. По счастью, в тот момент в ней была ракета. Я упал в окоп, этот парень свалился туда вслед за мной. Я успел выхватить пистолет и выстрелил ему в живот. После этого парень прожил полчаса.

На войне случаются страшные вещи. Я написал книгу о войне в Италии, она закончена, но пока не опубликована. Когда ее опубликуют, выручка пойдет в фонд сохранения Кассино для будущих поколений. Я написал ее вместе с сыном солдата, который погиб под Кассино и там похоронен. Существует ассоциация *Монте Кассино – Память и Примирение/Monte Cassino Remembrance and Reconciliation*. Все страны, участвовавшие в том сражении, представлены в ней. Вот, что я хотел бы сказать вам, – теперь я стар, но все это возвращается ко мне чаще и чаще, и, само собой, с этим связана моя книга. Я писал эту книгу пять лет, когда у меня было время, чем больше я думаю об этом, тем больше воспоминаний возвращается ко мне...

Много было написано о Кассино британскими и американскими авторами, и обычно все это отражало точку зрения союзников. Я пишу обо всех.

Ранее мы говорили об 11 мая 1944 года. Вы говорили, что стояли на дороге, когда начался артобстрел...

Итальянские дивизии посыпались, не сделав ни единого выстрела. В Италии я служил в инженерной части, и все время мне приходилось взрывать мосты и укладывать мины или делать что-то еще. Помню один большой мост близ Мессины. На нем расположили большую итальянскую пушку. У нас не было самолетов, осталась только пехота, и мы уже не могли таскать на себе все, что полагалось иметь при себе. Ну, поставили пушку посередине моста, и пришел день, когда было нужно отступить. Прямо перед тем, как по нам открыли огонь, из-за поворота появились два итальянских солдата. Мы заорали им: «Уходите!», однако по-итальянски это означает «Давай!» Так вот, они помчались в сторону британцев – мы это хорошо видели. Их обоих подстрелили. Такое случается, ничего не сделаешь. К тому моменту мы пробыли в Италии всего несколько дней и еще не могли толком ничего сказать по-итальянски.

Вы хорошо помните последнее сражение под Кассино?

Да.

Вы понимали, что это будет наиболее масштабная атака?

Мы находились в городе Кассино, вы знаете, где находится отель *Des Roses*? Там был наш штаб. В здании было четыре этажа, в подвале хранилось вино. На него упали бомбы, и все четыре этажа обрушились, все превратилось в руины. Но подвал был хорошо укреплен, в нем мы и укрывались. Основной бой шел на другой стороне города. У нас был приказ построить 5 бункеров для тяжелых пулеметов, но это невозможно было сделать на склоне, - там, где был наш сектор обороны. Нужно было спуститься вниз по склону, и там поставить бункеры, чтобы они были незаметными. Я был лейтенантом, мы были в боях с самого начала, и нам был нужен отдых. Артиллерия тем временем вела огонь дымовыми снарядами, чтобы держать нас в неведении о том, что происходит. Ночью пришел наш командир, и я сказал ему: «Моим людям нужен отдых.» Он ответил: «Я понимаю, подумаю об этом.» Отдохнули, а через несколько дней прибежал вестовой и передал мне приказ прибыть к генералу в штаб, расположенный в небольшой усадьбе на холмах, на удалении от передовой. Я отправился туда, шел всю ночь и добрался туда утром. Генерал сказал мне: «Ваш командир сказал мне, что вы – плотник и еще инженер. Часть моего штаба находится в пещере, и пока идет артобстрел, вся гора ходит ходуном. Думаю, еще один обстрел, и все рухнет. Можете установить какую-нибудь крепь?» Я говорю: «Генерал, я могу это сделать.» Мы сделали это всей ротой. Там был фельдмаршал Кессельринг, и он что-то сказал мне. После войны я еще раз встретился с ним и сказал ему, что он должен был оставить в тех краях долбанных итальянцев и увести нас в Альпы. Я был обучен как солдат-инженер для высокогорья, так что там, говорю, вам понадобилось бы только три дивизии, чтобы удержать позиции – да все Альпы, а все остальные дивизии можно было бы перебросить на восток и на запад – так было бы намного лучше.

И что он сказал?

Он посмеялся над этим: ну что, я-то был всего лишь лейтенантом.

Насколько высоко вы оцениваете его, как командующего?

Он был очень хорошим человеком. Я встречал и [генерала] Штудента, но о нем я невысокого мнения из-за той катастрофы на Крите, которая случилась, в основном, по его вине. Там погибли 4 000 десантников...

Первоначально командующим Группой Армий В в Северной Италии был Роммель, а на юге был Кессельринг. Роммель хотел отступить в Альпы, как вы предлагали.

Нет-нет, Роммель сказал, что его линия обороны – *Готская Линия*. Однако устоять против всех танков союзников он не мог, никому бы это не удалось. Он мог отвести свою артиллерию в Альпы, но не стал. *Готская Линия* была его линией, и оба командующих, в итоге, были неправы, но это теперь легко говорить о том, кто был прав, а кто нет...

Ну так вот. Потом генерал подошел ко мне и сказал: «Что-то там происходит. Ведите свою роту обратно на позиции Хайдриха (Heydrich). Там стык двух дивизий, там что-то происходит. Вы со своей ротой займите укрепленный пункт. Возьмите с собой тяжелое оружие из отеля *Des Roses*, и вперед. Ну а потом, 11-го, начался артобстрел...

То есть, вы вернулись?

Да, я был у входа в отель и говорил с наблюдателем из нашей роты, и тут неожиданно англичане затопили свою баню для нас.

1 600 орудий... Вы слышали, как у вас над головой проносятся снаряды?

Конечно, они выли, словно оргán.

Вы знали, что это – начало сражения?

Само собой. В ту же ночь я отправился на укрепленный пункт, там нас атаковали танки, а у нас не было ничего, чтобы бороться с ними. Целая шеренга из 40 или 50 танков напротив нас, но у них явно было мало боеприпасов: выстрелят разок, и все.

У верхней бровки не очень крутого склона там был дом. У него снесли верхний этаж, ниже устроили бункер. У нас не было противотанкового оружия, но утром пришел дивизион самоходных орудий. Они пробыли там час, но потом покинули это место.

В этом пункте танки переправлялись через реку?

Нет, на тот момент – нет. Наши самоходки постояли за домом всего час и ушли, а у нас было всего три базуки (*вероятно, речь идет о панцершреках – ВК*). Метод их применения был таким: один стреляет, двое прикрывают огнем. Десантник, который командовал одним из таких расчетов, сильно нервничал, и я сказал ему: «Когда их танки пойдут вперед, ты что,пустишься наутек?» Вечером того же дня, в 19.00, они пошли в атаку – 20 танков или больше того стали взбираться вверх по склону. Какое-то время мы ждали. За танками продвигалась пехота, где-то метрах в 100 позади. Мой расчет дал им подойти поближе, и, когда они поравнялись с домом, все базуки открыли огонь. 13 танков было подбито, остальные повернули и откатились назад. Он вели по нам огонь, отступая, постреляли где-то с четверть часа...

Когда мы увидели новую группу танков, я связался по радио со штабом нашего генерала, и он сообщил мне: «Сожалею, но мы вынуждены забрать у вас базуки, потому они нужны на другом участке, но я пришлю вам батальон пехоты.»

Полукругом напротив дома горели танки, и мы были уверены в том, что больше машины противника в атаку здесь не пойдут. Подошедшие пехотинцы не имели никакого опыта. Они прибыли из Югославии и до этого охотились на партизан Тито, но настоящего боевого опыта у них не было. Вот тогда-то у меня и появились первые седые волосы. Я был всего лишь лейтенантом, а ими командовал майор. Он сказал: «Мы поставим тяжелый пулемет напротив твоего дома.» Я ему: «Пока бой не начался – это будет грандиозной ошибкой.» Он ответил: «Ерунда», он вообще меня в упор не видел. Бедолага: ему некуда было отступить...

Сколько человек он привел с собой?

Да целый батальон – 380 человек. На следующий вечер, в 19.00, мы все сидели и трепались. Прекрасный был вечер, но тут неожиданно грохнул выстрел, и нам едва хватило времени, чтобы забежать в бункер. Танки вернулись, открыли огонь по дому и превратили его в руины. Дверь в бункер завалило каменными обломками. Было темно, и я сказал парням: «Сидите спокойно, не жгите зря кислород.» Назвал несколько имен, и эти парни начали разгребать обломки, засыпавшие вход. Кто-то попросил свечу, но я сказал: «Никаких свечей.» Расчистка входа заняла какое-то время, потом первым выбрался наш санитар и был сразу схвачен: нас окружили. Я выбрался следующим, увидел группу пехотинцев, приближающихся к нам. Я поднял свою *Беретту*, открыл огонь и подстрелил нескольких из них. Дело было около 8 вечера или около того, так что, когда мы выбрались, было еще светло по-летнему. Ну а потом гору окружили поляки.

Значит, дело было 13 мая?

Думаю, позднее, числа 18-го или 19-го, уже не помню.

И как вы вырвались?

Остановив поляков, мы решили переждать: было уже темно. Часов в 11 или около того я подозвал унтер-офицера и сказал ему: «Пойдем и разузнаем, что делается вокруг.» У меня был план: мы пойдем вдоль железной дороги и так выйдем к своим – я думал, там не будет солдат противника. В темноте они, по большей части, держались вместе. Мы стояли в окопе и осматривались, и тут неожиданно появилась целая шеренга этих ребят. Со мной была *Беретта*, но они ушли, так как не знали обстановки. В полночь весь пехотный батальон ушел, ну а мы тронулись в путь, продвигаясь между железной и обычной дорогами.

Сколько у вас было людей?

37, минус наш санитар. Темно было, хоть глаз коли. До нас доносились чьи-то разговоры. Мы были уже совсем близко к немецкой линии обороны, мы слышали речь наших, да и свет ракет были больше похожи на наш. У британцев в ракетах было больше фосфора, поэтому их свет был красноватым, а в немецких ракетах было побольше магния, и их свет был побелее... Тут мы услышали стрельбу, и кто-то спросил [по-английски]: «Кто идет?» Я что-то ответил, но понял: это поляки! Что делать? Они крикнули в ответ *Okay!*, и мы тут же убрались оттуда. Когда мы добрались до своих, мой командир сказал мне: «Ты пришел очень поздно, но здесь у нас 5 000 мин, которые нужно уложить! Этот офицер был моим бывшим командиром роты»

В каком батальоне вы были тогда?

1-й, 1-я Дивизия. Я этого офицера тогда сильно уважал, и он ко мне хорошо относился, но я многое видел из того, что он делал неправильно. Например, ситуация в Термоли/Termoli. Он был виноват в том, что высадка [противника] прошла успешно, он дал нам отступить, в противном случае мы бы сбросили их в море. Да все просто было! Мы схватили около 150 *следопытов-разведчиков (pathfinders – речь идет о разведчиках, идущих впереди десанта – ВК)*, а без них и десанта никакого бы не было. Но командир сказал: «Мы отходим.» Дело было ночью, но наступил день, и мы увидели десантные корабли. Я полагал, что раз те, кого мы взяли в плен, были разведчиками, десанта не будет – они просто останутся в море, но командир сказал: «Уходим, оставляем это британцам.» Весь город! Я тогда был унтер-офицером, там был еще *унтерфельдфебель*, который позднее был произведен в офицеры, но и он не сказал, что мы должны остановить десант. Он мог это сделать: у парашютистов был приказ – если офицер не поступает должным образом, другой должен занять его место, хоть бы и рядовой. Я, например, видел, как один раз ефрейтор взял команду на себя. Тогда батальон пехоты был отброшен русскими. Инженеры были заняты строительством бревенчатого надолба, и этот парень взял всех

под свою команду. Мы не только остановили русских, но и отогнали их! Позднее он стал офицером, я хорошо его знал. Потом мы оказались вместе в Египте.

Итак, ваш командир приказал вам уложить 5 000 мин?

Да, мы должны были уложить эти мины, чтобы остановить союзников, в частности, их танки. Автомашин у нас при этом не было.

То есть, все на своих двоих?

Да, пешим ходом, и потом я получил приказ от своего командира быть последним, кто уйдет оттуда.

Как звали командира?

Эрнст Фрёмминг (Ernst Frömming) – из всех командиров он был наихудшим.

Но он же нравился вам?

Нет, мне он не нравился, это я ему нравился. Я получил приказ вступить в контакт с полком и удостовериться в том, что союзники пока еще подступили близко. Он сказал мне: «Возьми *кубельваген/kubelwagen* и двигайся вслед за нами, мы туда вместе доберемся. Он приказал мне встретить его в определенном месте, в одной деревне, расположенной севернее. У меня был водитель. Я вступил в контакт с полком, потом тронулся дальше в горы. 1-й Парашютный Полк занимал позиции, основном, в горах, а не в долине реки Лири/Liri.

Дорога шла вверх по склону, она была вроде как аллея. Неожиданно сзади нас мы услышали стрельбу – это был самолет, *Лайтнинг/Lightning* с бортстрелком сзади. Он неожиданно пролетел над нами, и бортстрелок открыл огонь. Я вывалился из машины и покатился вниз по склону, а сам *кубельваген* врезался в стену деревьев. Я пролетел где-то метров 20 и сломал себе ключицу, ударившись об дерево. Нашел водителя – его вышвырнуло из машины. У него были травмы и ушибы головы и груди – парень был мертв. Я сел на дорогу, обдумывая, что делать дальше, и тут появился грузовик с горными стрелками. Мы не могли похоронить водителя, потому что нужно было ехать дальше.

Эти парни отвезли меня в ближайший полевой госпиталь, где мне скрепили ключицу двумя длинными штифтами. Через месяц я выписался из госпиталя, откуда попал во Флоренцию, в специальный госпиталь, где со мной ничего делать не стали. Приказ о том, что делать дальше, я получил в штабе во Флоренции. Кадровик переговорил по телефону с моим батальоном, и мне сказали отправляться домой в короткий отпуск. Так я поехал в Германию...

Дело было в июле 44-го?

В августе. Потом я вернулся в Италию, линия фронта уже была в районе Ареццо/Arezzo.

То есть, вы опять попали в 1-й Батальон?

Да, в ту же роту.

Людей в ней прибавилось?

Мы из Ареццо направились на Адриатическое побережье, где-то через пару недель, а потом к нам пришли новички из парашютной школы, и рота выросла в численности до 80-

90 человек. Эти ребята так рвались на передовую, так им хотелось повоевать... Я им сказал: «Спокойнее. Вам повезло, что вы в тылу и что вы – инженеры, те, кто подрывает мосты и улицы. Радуйтесь и помалкивайте про фронт. Вы его увидите, и до вас он доберется.» Через две или три недели фронт подошел к Термоли. То, что сулчилось там, произошло по вине командира. Линия обороны проходила от Термоли до Пескары. Рядом с нами, полагаю, была 305-я Пехотная Дивизия (*явная ошибка – этой дивизии в Италии не было – ВК*), нас должна была сменить 16-я Танковая. Это было что-то вроде *Линии Гитлера* под Кассино – линия бункеров и всего такого. Мы вступили в бой против канадцев и понесли тяжелые потери.

[Кляйн говорит об операции Devon – высадке 3-го и 40-го Отрядов британских коммандос и группы бойцов из Эскадрона Рейдеров Специального Назначения/Special Raiding Squadron в районе города Тремоли 3 октября 1943 года. В начале операции 40-й Отряд ночью просочился в город и вступил в бой с немецкими десантниками из 1-й Дивизии. По-видимому, Кляйн говорит об этом эпизоде, когда упоминает понесенные десантниками тяжелые потери. К 8 утра британцы захватили город и подходы к нему. Внезапность нападения сыграла важнейшую роль. Немецкая пехота контратаковала большими силами, позднее, - при поддержке танков, но британцы, получившие подкрепления за счет частей 78-й Дивизии, успешно отбивали их до 6 октября. К 8 октября они соединились с частями 8-й Британской Армии, и противник начал полномасштабное отступление - ВК.]

Там я потерял прекрасного товарища – Харальда Куандта (Harald Quandt), пасынка Геббельса (*служил в 1-м Батальоне звании лейтенанта – ВК*). Он никогда не пытался поставить себя выше других, никогда не думал о возможности для себя встать во главе Рейха. Наш дивизионный командир Хайдрих приказал ему не участвовать в боях, но тот сам принимал решения. Думаю, это прекраснейший из людей, которых я когда-либо встречал.

В России мы уже видели башни Москвы, и Куандт даже ходил на разведку за линию фронта, чтобы узнать, что там происходит... А в Италии был такой случай (*речь идет о высадке союзников на Сицилии в июле 1943 года – ВК*): наш командир роты был расстроен тем, что за день до этого британские коммандос захватили нашу группу подрывников. Он сказал: «Ваш отряд отправится на пляж и обеспечит то, что этого больше не случится. Потом он забыл про нас и уехал. Это была последняя ночь [пребывания немецких войск на Сицилии], и утром, когда последний паром ушел на другой берег, мы все еще были в 10 километрах от Катании. Потом, ночью, мы услышали шум лодочного мотора, и Харальд, который был адъютантом батальона, приказал рыбаку – хозяину лодки – взять наш взвод на борт и отвезти на берег пролива. Лодка была слишком мала для целого взвода. Харальд ушел куда-то и нашел грузовик, чтобы тот отвез нас в Мессину, вообще, в тот момент это немыслимое было дело...

Слева – Гитлер беседует с техническими специалистами, крайний слева – Гюнтер Куандт (1881-1954); справа – его сын Харальд с семейством Геббельсов...

Он был убит на Готской Линии?

Нет-нет. Он стал большим человеком, возглавил промышленную группу *Quandt*, стал вторым по богатству человеком в Германии...

[Харальд Куандт (1921-1967), единственный из переживших ВМВ детей Магды Геббельс, был ранен в Италии. Вероятно, Кляйн, упоминая то, что «потерял товарища», говорит о полученном Куандтом ранении. В 1944 году Куандт попал в плен к союзникам, освобожден в 1947-м. Он добился больших успехов в бизнесе, унаследовав индустриальную империю своего отца, Гюнтера Куандта, который был тесно связан с нацистским режимом и использовал рабский труд заключенных в годы ВМВ. Харальд Куандт погиб в Италии в авиакатастрофе в 1967 году – ВК.]

Вернемся на Готскую Линию. Вы были на линии Термоли-Пескаро, и вас атаковали канадцы?

Да, со мной были те самые молодые солдаты, которые говорили, что хотят драться с врагом один на один. Опыта у них не было. Выжили те, кто постарше, молодые погибли...

Мой командир [батальона] Фрёмминг, он был в чем-то трусоват. Когда-то он был храбрым офицером, но вот что случилось с ним, когда он летел на Крит. Он был там со своим командиром, Хайдрихом, и неожиданно его парашют раскрылся прямо в самолете. В то время было крайне трудно совершить прыжок с уже раскрывшимся парашютом. Хайдрих приказал ему возвращаться в Афины и вернуться на другом самолете, но он не стал этого делать: он прыгнул, и все окончилось благополучно. Ему очень крупно повезло. Это и стало единственным храбрым поступком, который он совершил.

У нас было два командира: один погиб у моста Примосоле. Второй был человеком с гор, из Инсбрука, хороший был командир. Когда все это произошло в Термоли, он неожиданно заболел – подцепил малярию. Ему пришлось отправляться в госпиталь, и Фрёммингу повезло, потому что командиром стал он. Он-то и приказал отступать из Термоли вместо того, чтобы сражаться. Вообще, он вечно обвинял в неудачах других... Потом пришел офицер из училища, который принял командование батальоном. Я тогда был унтер-офицером. Наш командир роты был ранен, так что я взял команду на себя. Нам нужно было уложить длинную полосу мин, одно поле за другим, всего километров 10. Их укладывали с интервалом 5 метров, и лейтенант сказал, что нужно укладывать их с интервалом 2.5 метра. Я говорю: «Это противоречит приказу. Я не буду этого делать, а вы не найдете этого ни в одном из наставлений. Это – слишком близко. Одна взорвется, сдетонирует соседняя, а потом произойдет цепная реакция.» Однако нам пришлось сделать так, как говорил он, и произошла ужасная вещь: мины взорвались. Я услышал, как кто-то задыхается и кричит, это был унтер-офицер, мой хороший друг. Мы еще в [парашютной] школе были вместе, потом в России, вообще везде. Он кричал: «Йоп, пристрели меня!» И надо бы избавить его от страданий, но как? Ему оторвало ноги и руки, в него вонзились сотни осколков, его ослепило. Он был на грани смерти, но обычно человек в таком случае отключается, а тут он был в полном сознании. Я побежал в сторону перевязочного пункта, который был метрах в трехстах. Все мины сдетонировали, всюду были ямы...

Потом подъехал мотоцикл с коляской, на нем – этот самый лейтенант. Я заорал на него: «Ну, видите теперь, что вы наделали?» У меня в руке был пистолет, и я был близок к тому, чтобы застрелить его, но вдруг убрал оружие. Тогда погибло 28 человек. Лейтенант видел в моих руках пистолет, нацеленный на него, и вечером я получил приказ явиться к Фрёммингу. Он сказал мне: «Кляйн, ты что натворил?» Фрёмминг был очень, очень классным инженером и наставником. Я рассказал ему всю эту историю, и он изменился в

лице. Он сказал мне: «Возвращайся в роту и сразу же бери ее под свое начало.» Больше я того парня ни разу не видел. Ужас...

Эрнст Фрёмминг (1911-1959), командир 1-го Инженерного Батальона/Fallschirm-Pionier-Bataillon 1. Награжден Рыцарским Крестом 18.11.1944. 1-й Батальон под его командованием сыграл важнейшую роль в строительстве Линий Зигфрида и Форо (вероятно, речь идет об укреплениях в районе города Форо/Foro – ВК), а также береговых укреплений. Внес вклад в успех оборонительных боев в период 2-го Сражения под Монте Кассино.

Вернемся к событиям на Готской Линии осенью 1944 года. Вы тогда были на Адриатическом побережье. Вы находились на передовой?

У нас были столкновения с польской дивизией. Думаю, там еще были новозеландцы, потом мы отступили. Нам пришлось отступать до Римини, это заняло много времени. Я так и не понял, почему союзники были настолько тупы и наступали с юга. Никто прежде за всю историю не пытался этого сделать. Проблема у них была в том, что осуществить высадку [с моря] без воздушного прикрытия невозможно, а [Салерно](#) было на пределе радиуса действия авиации союзников, так что дальше к северу они десантироваться не могли. А потом их корабли были переброшены в Нормандию и на восток, так что у них их просто не хватало.

Я думаю, что они хотели связать как можно больше немецких дивизий в Италии, но Черчилль был прав. Он хотел дать понять, что союзники будут высаживаться на Балканах. А вообще, наихудшим для нас фактором были итальянцы [в качестве союзников].

Кляйн беседует с новозеландскими ветеранами во время встречи бывших противников в Кассино. Он еще раз подчеркнул, что «мы все выполняли свой долг.»
(скриншот из документального фильма <https://www.youtube.com/watch?v=nwDszQfvEdA>)

Когда вы отступали к Римини, были ли ожесточенные бои?

Постоянно.

Да еще дожди и грязь...

В Римини есть старинный мост, ему 2 000 лет, еще римских времен. Нам приказали взорвать его – не моей роте, а другой. И нашелся унтер-офицер, который сказал *нет*. Он сказал: «Зачем нам разрушать такой древний мост?» Да и нужды в этом не было никакой. Я сам его видел, оставили его нетронутым. Случилось так, что какие-то десантники попали в плен, а потом бежали, вернулись в дивизию и рассказали Хайдриху о том, что мост остался цел и невредим. Тот огорчился и сказал Фрёммингу: «Этот объект будет разрушен, я отдал приказ!» Люди отправились к мосту, но ничего так и не сделали. По счастью, на следующий день пришел приказ Кессельринга о том, что все древние объекты в Римини не подлежат разрушению.

Я со своей ротой получил приказ взорвать артиллерийские позиции на побережье. Отправился туда на мотоцикле с коляской посмотреть, что предстоит сделать. Там мы встретили человека, который раньше служил в русской армии. Говорю ему: «Почему ты не в бункере, там, где твое орудие. Боеприпасы у тебя есть?» - «Да, 30 000 гранат.» - «А что ты с ними собираешься делать?» - «Ничего, у нас пулемет есть.» - «Когда подойдут десантные корабли, что ты будешь делать со своим пулеметом. Тебе ничего не останется, как драпать. Я покажу тебе, что делать с орудием.» Мы, когда проходили инженерную подготовку, учились всему этому. Показал ему, что делать, как затачивать гранаты, как заряжать ими орудие, как выстреливать их в море и засекают, где они взорвались. Сделал это сам, остался там на полчаса, и у них хорошо получилось. Но в море был эсминец, его снаряд угодил в бункер, и многие русские были ранены, но уцелели. Фрёмминг потом сказал мне: «Кляйн, вы черт знает что натворили, но, правда, это война.»

Потом вы были подчинены воздушно-десантному корпусу, не так ли?

Да, дело было в Кастель-Сан-Пьетро/Castel San Pietro (*недалеко от Болоньи – ВК*). 1 –я и 4-я воздушно-десантные дивизии находились ближе к Болонье. Оттуда я отправился в Альпы на поезде и приступил к обучению инженеров для работ в горах.

Дело было уже в 45-м? Как вы встретили Рождество 44-го года?

Да никак. Фронт простоял там всю зиму, его линия оставалась на месте до апреля, а потом я занимался обучением инженеров, дальше оказался в бригаде Бёмлера (*Rudolf Böhmler, 1914-1968, известен как командир 1-го Батальона 3-го Полка 1-й Воздушно-десантной Дивизии - ВК*). Через некоторое время меня вернули обратно – не знаю почему – я снова оказался в своем батальоне. Оттуда меня опять отправили на север.

Когда вы увидели немцев, убитых партизанами?

Мы отправились на юг, чтобы организовать конвой, в который нужно было уместить как можно больше людей для переброски в Альпы. Большинство из тех парней побросали свое оружие на реке По.

Тогда-то вы и видели тех убитых в Пьяченце?

Да, и гораздо больше неподалеку... Может, погиб целый взвод.

Вы сами попадали под атаки партизан?

Как-то раз я оказался со своей ротой к югу от Термоли. Один парень, который подвозил боеприпасы туда, где мы разрушали мосты и тому подобное, рассказал мне, что в Термоли по нему стреляли, когда они грузили мины на железнодорожной станции. Я сказал ему, чтобы он установил пулемет на грузовик на случай, если из домов будут стрелять. Ну, чтобы выпустить очередь-другую по окнам и сразу остановить это. Знаете, итальянцы – это трусы. Если их прижать, они стопорятся. Но вот, что они сделали, – я потом читал об этом в британских книгах по истории, – итальянские партизаны подавали сигналы британцам во время их высадки в Термоли и были с ними в контакте. Они сильно помогли союзникам.

Если бы я был в том месте и командовал нашими, никакой высадки не случилось бы. Такие вещи нужно пресекать в корне, иначе будет поздно. Под Ортоной/Ortona те же парашютисты попытались высадиться в районе Пескары/Pescara, но там наши следили за ситуацией на побережье.

[Возможно, Кляйн имеет в виду операцию союзников Candytuft. 27 октября 1943 года 3-й Отряд британских коммандос (No. 3 Commando) высадился на восточном побережье Италии между городами Анкона/Ancona и Пескара/Pescara с целью уничтожения железнодорожных мостов и диверсий в тылу противника. В районе деревни Наине/Naine, в 10 км к северу от своих целей, британцы натолкнулись на гарнизон немецкой пехоты в составе 153 человек, переброшенных сюда с Линии Густава тремя днями ранее. После перестрелки с немцами командир отряда майор Оттоуэй (Ottoway) отвел своих людей южнее, где коммандос попали в окружение и были пленены - ВК]

В Термоли времени было достаточно, но наша вторая атака была остановлена, и в этом не было нашей вины. Виновата была 16-я Дивизия - тупицы – я им говорил об этом. Они всю ночь простояли неподвижно и все утро стояли до 11 часов, пока не появился самолет без опознавательных знаков. А потом сразу началось десантирование – они высадились с 50 танками и сожгли всю немецкую бронетехнику. Нам приказали закрепиться на оборонительной позиции, но я поднял командира [батальона] на смех. Я сказал: «Вы видели, сколько у них танков и сколько людей? Две дивизии и 50 танков, а нас всего взвод. Как мы с этим управимся? Это что, я - унтер-офицер и должен командовать? Где офицеры?» Он сказал: «Ты спрашиваешь, где офицеры? Вам не нужны офицеры. Ты – парашютист, парашютист – это лидер.» Что ж, нас было 25 человек. Заняли позиции со своими пулеметами, базук у нас не было, вообще больше ничего. И тут я увидел, как он бежит. То ли он искал смерти, то ли хотел сдаться в плен, не знаю. Фрёмминг был никудышным командиром, а батальон был отличным...

Вот в России, под Ленинградом, был у нас Либер (Lieber) - лидер в тактическом отношении. Очень опытный командир. Все наши командиры были героями, кроме Фрёмминга. Дрянной человек, и это было не только мое мнение...

Вы задавали себе вопрос: зачем вообще Германия вторглась в Россию?

Я был молод, мне было 20 лет. Гитлер приказал нам, и мы это сделали. Я принял это, как есть. Это были мои первые бои, и вы не можете себе представить, что это было. Люди гибли тысячами в час. Вот так вот это было: люди без голов, с оторванными ногами, словно туши посиневшего мяса. Вы не представляете себе, как выглядит человек, в которого стреляют. Войн быть не должно. Я сильно огорчен из-за этой войны в Ираке. Буш – это ковбой. Он – тупица. Сегодня я не смог бы и муху убить: она – живое существо, и я не могу больше посягать на чужую жизнь...

Йозеф Кляйн в последние годы жизни

Оригинальное интервью – James Holland - <https://www.griffonmerlin.com/wwii-interview/joseph-joop-klein/>

https://en.wikipedia.org/wiki/Operation_Devon

<https://prabook.com/web/ernst.fromming/2425136>

https://en.wikipedia.org/wiki/Operation_Candytuft

<http://www.sixthscalebattle.com/photo2.html>

https://en.wikipedia.org/wiki/Harald_Quandt

<https://www.tracesofwar.com/persons/28556/B%C3%B6hmler-Rudolf.htm>

<https://www.handelsblatt.com/unternehmen/mittelstand/arisierung-und-zwangsarbeit-die-schulder-quandts/4655270.html>

<https://www.montecassino-foundation.com/>

Перевод, литературная обработка, комментарии – Владимир Крупник

Возврат к главной странице – www.warsstory.org

